

Пыль войны. Отрывки из воспоминаний об исходе евреев из литовских земель в 1915 году¹

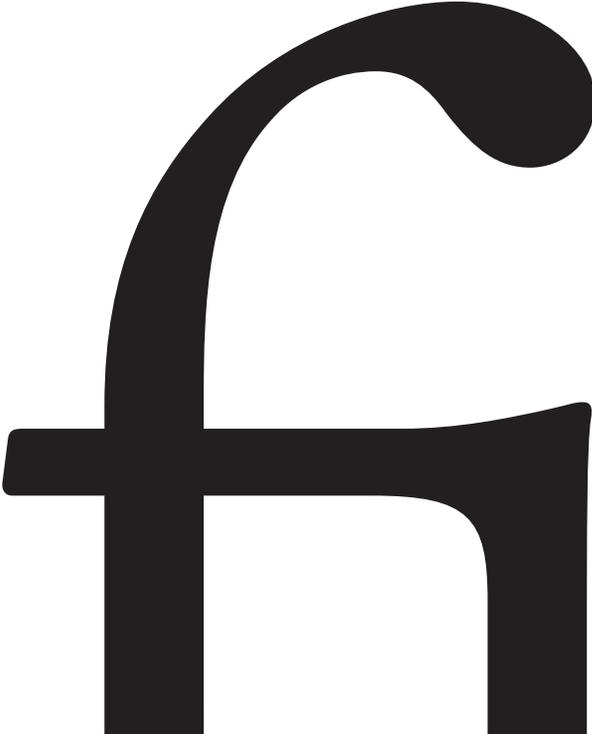
ШИМОН
АЙЗЕНБЕРГ

О Шимоне Зееве Айзенберге (годы жизни не известны) информации практически не сохранилось. В своем единственном произведении «Пыль войны. Воспоминания беженца из Литвы, 1915–1917» автор рассказывает об испытаниях, которые пришлось пережить ему и его семье в годы Первой мировой войны. В 1917-м семья Айзенберга добралась до Москвы, откуда вскоре переехала в Южную Африку (город Клерксдорд). Остаток своей жизни Айзенберг занимался ритуальным забоем животных.

Свою единственную книгу Айзенберг написал в 1935-м, уже находясь в Трансваале. Автор планировал написать вторую книгу о революции 1917 года и отъезде в Южную Африку, однако эти планы не осуществились.

«Пыль войны» – автобиографическое повествование о скитаниях еврейской семьи в годы Первой мировой. Айзенберг разделил участь около 600 тысяч еврейских беженцев, выселенных из своих домов. Весной 1915 года русское командование реши-

1 Перевод выполнен по изданию: EISENBERG S.Z. *Milhome-shtoyb. Zikhroynes fun a litvishn polet (1915–1917)*. Vilne: Ram, [S. I.].

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ:
СРАЗУ ЗА ЛИНИЕЙ
ФРОНТА.
СВИДЕТЕЛЬСТВА**

ло депортировать еврейское население с прифронтовых территорий как потенциально ненадежное: в связи со сходством идиша и немецкого языка, а также наличия разветвленной еврейской диаспоры по всему миру евреев подозревали в шпионаже в пользу Германии. Наступление немцев в 1915 году подтолкнуло русское общество к поиску внутренних врагов, одним из которых оказались евреи. Переселение евреев из западных губерний Российской империи фактически означало упразднение черты оседлости, официально отмененной в 1917-м.

Выселение стало трагедией для евреев: на сборы зачастую отводилось не больше суток, количество еды и вещей, которые еврейские семьи могли взять в дорогу, было небольшим, окружающее население по отношению к предполагаемым шпионам было настроено резко негативно, а впереди была долгая и опасная дорога в неизвестность. Айзенберг красочно описывает ситуацию, в которой оказались еврейские беженцы в годы Первой мировой: он и его семья скитаются по прифронтовым районам «меж двух огней» – одинаково опасаясь и немцев, и русских. Не лучше было и отношение со стороны местных крестьян: те зачастую были рады избавиться от еврейских соседей, получив возможность пожить их имуществом. **[Ася Лейдерман]**

НЕМЦЫ В МЕСТЕЧКЕ

22 апреля 1915 года наше местечко бурлило, как котел. Медленно тянулись обозы, запряженные исхудавшими лошадьми. С рюкзаками за спиной плелись уставшие оборванные солдаты. У них не было сил стоять на ногах. Они несколько минут переводили дух и шли дальше.

Положение становилось серьезным. Сердце ныло. По нашему местечку, не останавливаясь, проходила вереница незнакомых людей. Я стою возле дома и думаю, что с нами будет: придется ли и нам покинуть свои дома, оставить все, что нам дорого? На этом месте я прожил много лет. У каждого был дом, полный разной утвари. Мы любим это местечко. Мы все живем сообща, как одна большая семья. Я смотрю на свой дом, и сердце подсказывает мне, что скоро придется с ним прощаться. Я бы хотел поцеловать каждый его камушек. Кто знает, как скоро мы отдалимся друг от друга, видимо, нам остается провести здесь считанные дни.

Небо хмурится. Черные тучи заслоняют солнце, дует холодный ветер. Суэта вокруг усиливается. Вскоре через местечко с территорий, занятых немцами, проехали казаки и полиция.

Единственный оставшийся путь проходил через наше местечко. Дорога из Келма² в Шавль³ уже была занята немцами. Оставались только обходные маршруты через Ворне⁴, Куршан⁵, Гурзд⁶, Янишок⁷ и дороги Митава⁸–Рига. По ним передвигались беженцы, в том числе и евреи. Среди них был российский раввин Абрамович. Он рассказал мне, что был в числе делегатов из Петрограда, которые приехали в Ворне, чтобы помочь лишившимся крова беженцам с германской границы. Немцы пришли так быстро, что они едва успели уйти. Они не хотели надолго задерживаться в нашем местечке, рассчитывая поймать поезд до Петрограда. Один из них сказал мне: «Немцы придут со дня на день». [...]

Беженцы, которые проходили через наше местечко, просили только хлеба и брели дальше. Нам кусок не лез в горло, а они все просили еды, и, сколько ни дашь, было мало. Мимо меня прошел пожилой еврей с котомкой за плечами и сказал мне:

– Чего же вы ждете? Почему не бежите?

– А как бежать? – отвечаю я. – Вот так просто уйти и оставить свой дом, как вы? Нет, этого я не сделаю.

– Если вы сейчас не уйдете, шанса может уже не быть. Дальше будет только хуже.

Я не понимал, что значит война, каково это рыть траншеи и находиться под обстрелом.

Люди проходили мимо, а мы сидели, как будто не было никакой войны. Толкотня становилась все больше, вели раненых солдат. Солнце уже клонилось к закату. Темнело. Тянулись обозы, за ними шли солдаты с полевыми кухнями.

Вечером мы начали собирать вещи. Кто знает, может, и нам скоро придется уехать из местечка? Нужно подготовиться, как это делают другие. Ночью был слышен шум, стрельба усилилась. Я подошел к окну посмотреть, что происходит на улице. [...]

* * *

В пятницу утром над нашим местечком показались немецкие аэропланы. Беженцев уже не было, проезжали только казаки. Немного позднее мы увидели вдалеке солдат в касках. Была перестрелка между немцами и русскими. Нам было все страшнее и страшнее. Мы начали искать, куда можно спрятаться. Однако

2 Совр. лит. Кельме.

3 Совр. лит. Шяуляй.

4 Совр. лит. Варняй.

5 Совр. лит. Куршенай.

6 Совр. лит. Гаргджай.

7 Совр. лит. Йонишкелис.

8 Совр. лат. Елгава.

стрельба длилась недолго. Русские отступили на Йонишкисскую дорогу. Показались первые немецкие всадники, и с каждой минутой их становилось все больше и больше.

Спустя какое-то время немцы начали ходить по домам в поисках еды. Они брали все, что могли найти – хлеб, мясо, сало, – благодаря за продукты. Но их благодарность грозила нам голодом. Мы спрятали нашу еду.

Немцы стали хозяевами в местечке. Они вели себя как хотели. Для них все было трофеями: девушки, красивые вещи. От них только и было слышно, что все это для их родины... Самую тяжелую работу должны были выполнять парни нашего местечка. Скот, лошади и все, что они считали нужным, увозилось в Германию.

С каждой минутой становилось хуже. На всех дорогах появились заграждения из проволоки.

Проходили тысячи немецких солдат с артиллерией. Вечером они привезли своих раненых с Йонишкисской дороги. Они носились, как разъяренные животные. На улицу нельзя было выйти. Мы сидели в страхе по домам. Посреди ночи стучали в дома, приказывая всем держать двери открытыми, чтобы немецкие офицеры и солдаты могли зайти за едой. Что у нас было, мы отдавали им. Солдат дал мне часы и сказал, чтобы я разбудил их в три часа ночи, не позже. Они улеглись на полу и захрапели; их храп был слышен с улицы. Я сидел до трех и смотрел на часы, чтобы, не дай бог, не опоздать.

В три ночи я подошел к солдату, который приказал мне следить за часами. Я начал его будить, говоря, что уже три. Он не двигался с места. «Иди к черту!» – сказал он мне. Я потащил его за ноги с большим трудом, но я его разбудил. Он помог мне разбудить остальных солдат. Они были злы. Между собой они говорили: «У нас больше нет сил идти дальше. Когда, наконец, эта проклятая война закончится?»

Офицер поднялся. Он попросил лампу и приказал мне идти с ним. Я спросил, что он собирается делать. Он начал осматривать каждую комнату. На втором этаже дверь была закрыта, жители уехали в Петроград. Я пытался объяснить ему, что там никого нет, но это не помогло. Он сломал замок. Так я крутился с ним до утра. Перед отъездом он дружелюбно меня поблагодарил.

* * *

Несколько дней спустя немцы привели пять тысяч пленных русских солдат, трофейные пушки и обозы. Они выглядели измученными и отощавшими. Всех их заперли в католическом монастыре. О пленных немцы не говорили. Еду им не давали.

Только жители местечка – и евреи, и христиане – приносили пленным немного хлеба. Они так обессилили от голода, что не могли стоять на ногах. Несколько человек умерли в монастыре. Они нашли в нашем местечке вечный покой. Нам приходилось передавать им хлеб через забор. Они хватали его, словно голодные звери. Те, кто был сильнее, получали больше хлеба. Слабые собирали крошки с земли.

Одним утром, в десять часов, их увезли из монастыря. Их выстроили в ряды. Многие прихрамывали. Некоторых вывели и уложили на телеги. Русские пленные между собой разговаривали о том, что все их беды из-за евреев, которые продали их немцам. Немецкий офицер взмахнул рукой в знак того, что пора двигаться.

Процессия молча потянулась. Пять тысяч обессиленных пленников солдат медленно плелись под песню «Deutschland, Deutschland über alles».

На улице вдалеке я увидел несколько человек с белым флагом – солдатской рубашкой, завязанной вокруг палки. Это были русские. Они спросили, где стоят немецкие офицеры. Я показал. Русские подошли туда. Один из них, полковник, представился и сказал, что они хотят сдаться в плен. Они положили винтовки на землю. Немец дал знак, чтобы они шли с ним. Этим пленным повезло больше. Их накормили и отослали.

Галицийский сидур⁹

Немцы продержались в местечке до 14 мая. В то утро они исчезли. Мы не поняли, что случилось. В середине дня мы увидели, как уезжают немецкие патрули. Я спросил одного солдата, почему они уезжают. Он ответил мне по-немецки: «Не бойтесь. Это военный маневр». Позднее мы увидели, как один немец забрался на дом и кричал второму внизу: «Быстрее, Фриц! Иди возьми яйца. Русские близко!» Не знаю, взял ли Фриц яйца, времени было мало.

И уже через несколько минут пришли русские. Был вечер субботы. Вокруг русских патрулей начали собираться литовские крестьяне и жаловаться на евреев. Русские смотрели на нас со злобой. Когда они видели на улице еврея, начинали кричать: «Убирайся, жид! Немецкий шпион!» Мы поняли, что литовцы приготовили для нас. Мы оказались меж двух огней. Неизвестно, что могло произойти дальше: нас считали шпионами.

Пожилой еврей, возвращавшийся из синагоги, в испуге пошел к моему дому: «Что тут творится?! Мы все пропали». Он

9 Сидур – сборник молитв и благословений.

рассказал, как русский солдат, завидев его, принялся кричать: «Беги отсюда, я тебя пристрелю, как собаку, ты, жид, немецкий шпион».

Я сказал ему, что сейчас нужно сидеть дома и не выходить на улицу. Мы должны это принимать с любовью, больше мы не могли сделать ничего, чтобы себе помочь. Никто не знал, что случится с ним в следующий час. Опасность была велика, и надо было надеяться на бога.

Тем субботним вечером царил гробовая тишина. Мы никого не видели – ни русских, ни немцев. На улице не было никого. От каждого шороха замирало сердце. Казалось, что вот-вот начнется перестрелка. Ночью мы не спали. Было очень темно. Мы сидели и ждали наступления нового дня.

В воскресенье, рано утром я издали увидел нескольких казаков на лошадях. Вокруг них крутились литовские крестьяне. Становилось все больше русских солдат. Их были тысячи, они заняли все окрестные дороги. С собой они везли пушки и пулеметы.

* * *

Ко мне в дом зашли два солдата-еврея с винтовками за спиной. После того, как я их увидел, мне стало радостнее на сердце. Я предложил им сесть, принес к столу чай. Они были для меня желанными гостями. Мы разговорились о войне, они рассказали, что их подразделение прибыло из Варшавы, чтобы выбить отсюда немцев. До этого они были на фронте в Галиции. Я рассказал о том, какие беды нам приносят крестьяне. Они клеветают на нас, что мы шпионим на немцев.

Солдат вынул из внутреннего кармана маленький сидур и показал его мне: «Этот сидур мне дала пожилая женщина в Галиции. Я храню его на память».

«Когда русские наступали в Галиции¹⁰, – начал он свой рассказ, – казаки первым делом принялись за евреев. Они вырезали целые местечки. Еврейская кровь лилась рекой. Не стоит и говорить о еврейском имуществе. Когда казаки въезжали в местечко и встречали евреев, то начали говорить с ними на русском. Евреи не понимали. Тогда казаки везли их к русскому коменданту и составляли рапорт, что нашли немецких шпионов. Комендатура не проводила большого расследования. Верили всегда казакам. Было приказано вывезти евреев в поле и рас-

10 Галиция, входившая в состав Австрийской империи, в годы Первой мировой войны была центром ожесточенных боевых действий. Русские войска захватили большую часть Галиции, включая ее столицу – Львов – к сентябрю 1914 года. Состав территорий, подконтрольных России, постоянно менялся в ходе военных действий. Россия повторно заняла большую часть Галиции в результате Брусиловского прорыва в 1916 году.

стрелять. Зачастую их тела не хоронили, и они оставались там лежать. Однажды утром мы шли с ротой и увидели трупы евреев, стариков и маленьких детей. Все мужчины были в талесах¹¹. Мужчины выглядели лет на 60–70, женщины были моложе. Мужчин от 18 до 50 не было видно. Рядом с трупами сидела старая женщина, уже готовая отдать богу душу. У нее не осталось сил плакать. Она сидела возле своего убитого мужа и стонала.

Мы спросили у старушки, почему она сидит возле трупов. Она рассказала, что казаки вошли в местечко три дня назад. Те, кто успел сбежать, спаслись, все те, кто остался, были арестованы. Ее муж в это время как раз возвращался в тфилине¹² и талесе домой из синагоги. Казаки его тут же арестовали. Когда две ее дочери увидели, что отца арестовывают, они выбежали на улицу. Их тоже арестовали и повели к коменданту. Она ждала их целый день. Наутро она пришла к коменданту. С ней пошел один христианин, который знал русский. Они спросили у коменданта, где ее муж и дочери. Она не получила прямого ответа. Из его слов она поняла, что ее родных уже нет в живых. Когда ее знакомый христианин ехал в село, он увидел, что муж и дочери старушки лежат посреди кучи еврейских трупов в пяти верстах от местечка. Он отвел туда старушку, и она их узнала.

– Евреи, сжальтесь надо мной! Похороните убитых по-еврейски, – попросила нас женщина.

Нас было двенадцать солдат-евреев. Мы смотрели на трупы своих единоверцев. Было невыносимо видеть, как эта старушка сидит у тел своего мужа и дочерей.

Там лежали 32 трупа. Запах от тел был ужасным. К ним было тяжело приблизиться. Мы попросили у командира разрешение похоронить убитых. Оно было сразу получено. Старушка сказала, что мы не можем везти трупы в местечко. Нужно похоронить их здесь.

Русские офицеры и солдаты не могли вынести горя этой женщины и жестокости казаков. Мы слышали, как один офицер сказал другому: “Нам должно быть стыдно. Какую страшную славу они создают русской армии! Они годны лишь на то, чтобы убивать женщин, детей и стариков”. Русские солдаты помогли нам захоронить трупы. Мы вырыли две большие могилы – для мужчин и для женщин. В их карманах были сидуры и тфилины, почти все они были пропитаны кровью. Окровавленные мы положили в могилы, а чистые взяли с собой. Старушка отдала мне сидур ее мужа и сказала: “Возьмите его с собой, пусть он будет у вас в кармане. Бог защитит вас на войне”.

11 Талит (в ашкеназском произношении – талес) – молитвенное облачение для мужчин, представляющее собой изготовленное особым образом прямоугольное покрывало.

12 Тфилин – элемент мужского молитвенного облачения, состоящий из пары кожаных коробочек с отрывками из Торы внутри, которые повязываются на лоб и ведущую руку.

ШИМОН АЙЗЕНБЕРГ

ПЫЛЬ ВОЙНЫ. ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ ИСХОДЕ ЕВРЕЕВ...

Я принял его охотно, и это самая ценная вещь из тех, что я добыл в Галиции.

Старушка попросила сделать для ее мужа отдельную могилу. Он был большой знаток Торы и делал много добрых дел. Мы похоронили его отдельно. Женщина попросила отвести ее на могилу мужа. Она воткнула свою тросточку в землю в знак того, что тут лежит ее муж. Еле живую, мы отвели ее от могил. Один из солдат, по имени Арончик, прочитал за убитых поминальную молитву. Все мы горько плакали. Даже русские офицеры и солдаты сняли шапки...

Старушка лежала, она не могла говорить. Офицеры приказали отвезти ее в местечко. Мы положили ее на телегу. Я и еще один солдат сели рядом с ней. Через две версты старушка умерла на наших руках, оставив свою трость на могиле мужа.

Мы въехали в местечко, глядя по всем сторонам, не встретим ли мы какого-нибудь еврея. Но мы никого не встретили. Мы не могли долго оставаться со старушкой. Мы, все те же могильщики, привезли ее на еврейское кладбище, отдав ей последнюю честь.

Вы видите этот сидур? Я очень дорожу им. Это сидур из Галиции.

Продвигаясь в глубь Галиции, мы видели, как еврейские трупы валяются в грязи. Из-под сгнившей одежды проглядывали кусочки талесов. Ужасный запах доносился издалека. Мы не смогли их похоронить. С обливающимися кровью сердцами мы поехали дальше. В следующих местечках евреев мы уже не видели. Мы заходили в дома, где висели мезузы¹³. В иных домах была сломана мебель, на полу лежали разорванные книги. Мы сами не понимаем, за что галицийским евреям достались такие страдания.

Но здесь казаки не будут делать то, что они творили в Галиции. В основном беды чинят литовские крестьяне. Сегодня утром я спросил одного крестьянина, сколько верст до местечка. Он тут же начал рассказывать про то, что там живут евреи, которые шпионят для немцев. Когда я накричал на него за то, что он наговаривает на евреев, тот притих».

* * *

Мне удалось поговорить с солдатом-евреем совсем немного. Но на сердце стало легче. Когда слушаешь, какие беды происходят в других местах, кажется, что положение здесь не так уж и плохо¹⁴.

13 Мезуза – футляр для пергамента с текстом молитвы, который вешается на косяк дома, где живут иудеи. К нему принято прикасаться при входе и выходе из помещения.

14 Фигуры еврейских солдат вновь появятся в тексте книги в пятой главе, где главный герой от других людей узнает об их трагической гибели.

У НАС БОЛЬШЕ НЕТ ДОМА

ШИМОН АЙЗЕНБЕРГ

ПЫЛЬ ВОЙНЫ. ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ ИСХОДЕ ЕВРЕЕВ...

Когда мы со своими оборванными вещами въехали в деревню, литовские крестьяне не хотели на нас смотреть: «Зачем вы сюда тащитесь! Казаки сказали нам не пускать евреев», – говорили они. Мы находились в отчаянном положении; мы лишние в этом мире.

Некоторые крестьяне говорили нам: «Евреи, для вас в деревне нет места. Вам будет намного лучше, если вы отсюда уедете. Вам нужно убираться подальше от полей сражений. Ваши жизни в большой опасности. Казаки каждый день ездят с криками “Тоните евреев”. Хорошего вам тут ждать нечего. Чем быстрее вы уйдете, тем лучше для вас. Мы и сами не знаем, что нас ждет дальше».

Мы осознавали свое положение. Не было никакого иного выхода, кроме как спастись от казаков.

Каждый день все новые еврейские семьи покидали деревню.

* * *

В понедельник, 17 мая, мы решили уехать из деревни. Я искал крестьянина, который доведет нас до местечка Покрой¹⁵, где у нас были друзья. Нам казалось, что там будет лучше.

Крестьяне не хотели нас везти, потому что на дорогах было беспокойно, и они не хотели рисковать, везя евреев, потому что дороги были полны казаков. Я нашел одного голя, желтокожего хитроватого юношу по имени Юргес. Я спросил, за сколько он довезет нас до Покроя.

– Я могу довезти вас до Покроя, но вы понимаете, насколько это опасная дорога. Я могу запросто получить пуля в голову – и на что мне тогда ваши деньги?

– Сколько ты хочешь? – спрашиваю я его. Юргес запросил так много, что на эти деньги можно было бы купить свою повозку с лошадью. Я торговался с ним, но он стоял на своем. В итоге Юргес согласился нас отвезти. Я дал ему столько денег, сколько он хотел.

Мы начали собираться в дорогу. Из каждой пары разорванных подушек мы сделали одну. У нас был красный петух, которого мы зарезали, думая, что его мясо в пути придется кстати и, может, еще останется на Шавуот. Шавуот выпадал на среду и четверг, 19-го и 20 мая.

Когда мы еще были в нашем местечке, наша община жила в единстве, словно одна семья. Но в то время, когда нам нужно

15 Совр. лит. Пакруоджис.

было бежать из деревни, мы были рассеяны. Мы не знали один другого. Как будто ветер раскидал нас, словно перья из подушки. Каждый одиноко блуждал по своему пути. Мы уезжали из деревни втайне от всех, будто стыдясь.

Перед отъездом я встретил только старого портного, реб Пецца. Он одиноко слонялся по деревне. Я часто видел, как он сидит у крестьянского домишка и читает псалмы. Глаза его не высохали. Он плакал о судьбе разрушенной синагоги и разорванных свитков Торы. Все его удовольствие состояло в чтении псалмов субботним вечером в синагоге, она была всей его жизнью. Кто еще был так счастлив, так воодушевлен, как он, когда читал псалмы в субботу после дневной молитвы. Сейчас он выглядел самым несчастным человеком на свете. Когда я прощался с ним, он плакал как маленький ребенок: «Ох, кто знает, куда нас занесет судьба. Поезжайте с богом. Бог даст, мы победим и вернемся обратно в наше местечко».

Когда наше повозка начала двигаться из деревни, солнце скрыли темные облака. Выл сильный душераздирающий ветер. Он словно сочувствовал нам в нашей беде, рыдал над нашей судьбой. Он сопровождал нас, будто хотел сказать, что мы уезжаем из дома не на несколько дней, а на годы – годы боли, голода и нужды. Каждый шаг, который отдалял нашу повозку от деревни, ветер провожал стенаниями: «Несчастные евреи, ваши беды не заканчиваются, а только начинаются».

Юргес, наш возница, знал все дороги и тропинки до Покроя. Он завез нас в лес, потому что ехать по большой дороге было небезопасно: туда чаще прилетали шрапнели. Но в лес тоже падали снаряды. Казалось, что один из них вот-вот попадет и в нашу повозку. Когда рядом пролетал снаряд, мы сгибали головы. Казалось, что в таком случае смерть нас не достигнет. Все слезли с повозки и пошли сбоку. Рядом с нами снаряд попал в середину дерева. Послышался громкий удар. Дерево развалилось пополам. Верхняя часть с ужасающим звуком упала на землю. Звук падающего дерева раскидал нас. Мы разбежались в разные стороны. Лошадь перевернула повозку и наткнулась на дерево. Нас поразил смертельный ужас. Я закричал: «Шма Исраэль!»¹⁶, Юргес крестился.

Мы подняли повозку, заново уложили на нее вещи. Поехали дальше, но в страхе перед ударами пушек и гулом шрапнелей. Нужно было иметь железные нервы. По правде говоря, наши нервы уже закалились. Смерть была не страшна: один удар – и конец.

16 «Шма Исраэль» – один из центральных текстов в еврейской религиозной традиции, не являющийся молитвой в строгом смысле этого слова. Религиозные евреи читают данный отрывок утром и вечером, а также в случае опасности и угрозы жизни.

Наша повозка медленно и одиноко тащилась по лесу. Мы не встретили ни души. Мы хотели переехать через дорогу, которая ведет из Митавы в Ригу. На пути к ней располагалось местечко Мишкуч¹⁷, где стоял лагерь казаков. Нам было страшно натолкнуться на них. Не хотелось пасть от их рук.

Когда мы подошли к Мишкучу, было уже темно. Издалека слышались удары молотка. Там подковывали лошадей и полозья русских обозов. До Мишкуча я тащился позади повозки, но сейчас я взобрался на нее и уселся сверху. Медленно постукивал дождь. Мы укутались в рогожу, что была на повозке.

– Знаешь, – сказал Юргес, – сядь на телегу. Кто знает, что может случиться. Мы можем еще раз встретить русских солдат.

Он и вправду не ошибся. Когда мы въехали в Мишкуч, к нам подъехали несколько казаков на лошадях. Один из них спросил:

– Кто едет?

– Я крестьянин, – ответил Юргес казаку, – еду из деревни рядом с Груздом. Деревня сгорела. Я везу свою семью куда-нибудь подальше от боев к моему брату.

– Там еще есть жиды? – спросил казак. – Их еще всех не перерезали? Их надо пристрелить как собак. Они продали нас немцам.

– В нашей деревне мы не впускаем евреев, – ответил Юргес. – Для нас, русских и литовцев, они самые большие враги. Все беды от них. Они посылают в Германию тонны золота.

– Ну, эти жиды, – отозвался казак, – мешают нам воевать, они наши враги. Они творят такие вещи, что всех их нужно пристрелить.

– А что жиды сделали в Кузе... – сказал другой казак. – Они прятали немцев у себя в домах. Мы с ними за это еще рассчитаемся. Если бы мне сейчас попался какой-то жид, я бы прирезал его как собаку.

– Я тоже, – ответил Юргес. – Хуже них нет никого на свете.

С этими словами он дал казакам прикурить махорку.

– Братцы, могу я ехать дальше этим путем? – спросил Юргес. – Или лучше свернуть на объездную дорогу?

– Можешь ехать по этой дороге, – ответили они, – прямо.

Казаки ускакали, довольные покуривая махорку.

Мы с женой и детьми были изнурены и измучены переживаниями этого дня. Сердце мое кипело, слушая разговор Юргеса с казаками. Будто повстречались старые друзья и разговорились о том, что они думают о евреях и что они с ними сделали бы. Нас пронзила сильная, глубокая боль, как если бы над

17 Совр. лит. Мешкуйчай.

нашими головами пронеслись снаряды. Когда снаряд попал в дерево, Юргес перекрестился, тогда мы все были равны. Но сейчас я понял, я ощутил, что мы находимся между двух огней.

Возможно, дружелюбие Юргеса, не выдавшего нас казакам, было вызвано тем, что он не мог сказать, что он, Юргес, везет на своей подводе жидов. Еврей – для всех козел отпущения, даже если он скитается по полям сражения с маленькими детьми, просящими есть и пить. Когда мы уходим оттуда, нам нужно скрываться. Нам нужно прикрываться рогожами, чтобы никто нас не видел.

Как только мы пересекли дорогу через Мишкуч, мы уже изда- лека услышали удары молотка по наковальне. Юргес подхлест- нул лошадь и забормотал литовскую песенку. Он был доволен этой встречей. Он начал двигаться увереннее, чем раньше. Для него были открыты все пути и дороги. Если он кого-то встре- тит, это будут его братья. Ему повезло, что он не еврей. Это его друзья. Это его день, его ночь.

– Ну, – сказал Юргес, – как тебе понравилось, как я разобрал- ся с казаками? Ну и злы же они на вас, евреев. – Он взмахнул рукой, будто имея в виду: они правы. – Я так заморочил им голову, что они даже не стали подходить к повозке. А если бы они нашли вас в моей телеге, было бы не до смеху, да?

– Юргес, ты очень умно повел себя с казаками, – ответил я.

И Юргес еще долго говорил о том, какой он хороший чело- век и как справедливо он с нами поступил. Да, наше счастье было в том, что казаки не стали подходить к телеге, не став унижать Юргеса подозрением, что он везет евреев.

Мы взяли путь на местечко Лигем¹⁸, что недалеко от Покроя. По пути мы встретили много повозок Красного Креста, везу- щих раненых солдат. Медленно и одиноко плелась наша по- возка. Ночь была темной и дождливой. Издалека доносились звуки стрельбы.

ЛИГЕМ

По пути мы видели несколько повозок, обитых кожей и желе- зом. Мы думали, что это русские обозы, но, когда мы подъехали ближе, я услышал слова на идиш... Я подошел и спросил: «Кто едет?» – но не тем тоном, каким казаки спрашивали Юргеса в Мишкуче...

– Евреи, евреи, – простонали в ответ.

– Откуда вы едете? – спросил я.

– Из Шавля¹⁹.

18 Совр. лит. Лигумай.

19 Совр. лит. Шяуляй.

– Как там сейчас в Шавле?

– Ничего хорошего, – ответили мне. – Всем евреям сказали уехать за 24 часа.

В Шавле тогда было около 15 тысяч евреев.

На повозках сидели матери с маленькими детьми. Мальчик кричал:

– Мама, я хочу есть.

– Уже скоро, моя радость, – отвечала мать, – приедем в местечко, и там все будет.

– Мама, когда мы поедем обратно домой?

– У нас больше нет дома, радость моя. Кто знает, где теперь он будет.

– Мама, но, когда папа вернется домой, он же не сможет нас найти. Почему мы уезжаем?

– Папа не приедет так быстро, радость моя. Он уже будет знать, что нас выгнали из дома.

– Мама, есть! – кричит маленькая девочка.

– Скоро, скоро, мы приедем, и вы поедите.

Я спрашиваю детей, хотят ли они есть. Молчат. Я достаю хлеб и даю детям. Те хватают его обеими руками...

Мать благодарит меня за хлеб:

– Мы уезжали из Шавля в огромной суматохе. Повозка не хотела нас ждать, и я не успела взять с собой хлеба.

– А где ваш муж? – спрашиваю я.

– Он получил ранение. Сейчас он в больнице в Харькове.

– Куда вы сейчас едете?

– Куда и все. Я сама не знаю, где мы остановимся, – отвечает она. – Мне нужно ехать к моему мужу в Харьков – а чем он может мне помочь? В Шавле у меня был какой-то заработок, я работала в швейной мастерской. На кусок засохшего хлеба хватало. А сейчас я не знаю, где мне жить.

Я пошел ко второй телеге. На железной повозке сидела пожилая пара. Железяки стучали одна о другую. Пара, покачиваясь, дремала.

Когда мы встретили евреев на своем пути, стало намного спокойнее. Некоторые сползли со своих повозок, и мы пошли вместе. Все рассказывали о том, что им довелось пережить в зоне военных действий. Мы тащились всю ночь, пока не дошли до Лигема в 4 утра.

Как же было бы хорошо, если бы нам удалось задержаться в этом местечке на Шавуот. Скитаться дальше не было сил. Мы бы смогли передохнуть.

Во всех домах горел свет. Я не понимал, почему его зажгли так рано. Может, приехали евреи из Шавля? Мне хотелось найти дом, где можно остановиться. Но потом я решил доехать до синагоги: вдруг там будет кто-то из Шавля. По дороге мы слышали

душераздирающие крики. Я спросил у проходившего еврея, не знает ли он, где можно переночевать. Я заплачу, сколько попросят. Мы очень измучены дорогой и едем из прифронтовой зоны.

– Что, – говорит мне еврей, – вы ищете, где можно переночевать? Нам тоже больше негде. Нужно уехать отсюда 18 мая на Шавуот, в 10 утра.

Наша повозка остановилась. Юргес дал лошади сено и куда-то исчез. Я бродил по местечку. Все евреи носились в поисках телег. Некоторые привели крестьян, чтобы те забрали еврейские дома и лавки. Другие относили вещи литовцам. В синагогу стекались старые евреи, чтобы попрощаться со своими святынями, излить богу свои сердца. На улице царил суматоха. Женщины ходили по местечку, громко причитая о своих несчастьях. Приехало много литовских крестьян, чтобы подзаработать на выселении евреев.

Мы уже не искали места для ночлега. Было ужасно тяжело видеть трагическое положение евреев. Все искали, на чем уехать. Все хотели опередить остальных. Вопли и плач в 4 утра разрывали сердце. Плакали в каждом уголке, в каждом доме. Рыдания и крики, темнота и разбушевавшийся ветер напоминали сцену дарования Торы...

Я уже не плакал над чужими страданиями, у меня не было сил держаться на ногах. Мы плелись, уставшие, истощенные. Не было ни капли теплой воды, чтобы смочить рот. Мы блуждали как тени. Не было видно конца нашему несчастью и боли, не было надежды, что станет лучше.

Пришел Юргес.

– Знаешь что? – сказал он мне. – Евреи просят, чтобы я довез их до Покроя. Найди себе другую телегу.

– Юргес, о чем ты говоришь? Почему я буду искать другую телегу? Я нанял тебя, чтобы ты довез нас до Покроя. Ты же честный человек. Почему ты со мной так поступаешь?

– Если я смогу получить больше денег, почему я буду отказывать? А ты вообще молчи. Если бы я тогда не обвел вокруг пальца казаков в Мишкуче, кто знает, что бы с вами было.

Юргес пошел скидывать с телеги наши вещи, сейчас он не хочет о них знать. У него появилась возможность заработать. Я видел, что Юргес повез бы нас дальше, если я дам ему еще денег. Он еще не выкинул из телеги наши пожитки. Довольный, он дал лошади овса. Как же он рад был видеть, что выгоняют евреев и что на этом можно заработать кругленькую сумму.

Я присел у телеги и закрыл глаза. Мои жена и дети сидели на телеге и тряслись от холода. Евреи проходили мимо, спрашивая Юргеса, не довезет ли он их до Вабольника²⁰. Я расслышал

бормотание Юргеса: «Если бы я мог получить с него несколько рублей, я бы имел с ним дело. Он просто морочит мне голову».

Каждый хотел вывезти как можно больше вещей. Я стоял у повозки и говорил всем, кто проходит мимо: «Евреи, не нанимайте эту телегу, я нанял ее в своем местечке». Это помогло, потому что Юргес снова хотел скидывать наши вещи.

Дети плакали. Я искал, где найти для них немного воды, но где в такой суматохе ее можно найти. Я сказал им: «Дети, мы скоро будем в Покрое. Там у нас будет все, что нужно. Там мы передохнем. Ведь вечером наступает Шавуот».

Предисловие и перевод Аси Лейдерман

ШИМОН АЙЗЕНБЕРГ

ПЫЛЬ ВОЙНЫ. ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ ИСХОДЕ ЕВРЕЕВ...